Twig

Арка вторая: Кот из мешка.

Глава девятая: список самого дорогого.

– Существа ушли, – солгал Пастух. – И мать, и дети. Это была тактика запугивания, не более.

Беспокойство в толпе было сильным, но по их обмену словами, по взглядам в темноту, я не заметил сомнений в словах Пастуха.

– Страх и озадаченность, которые вы испытываете сейчас, принадлежат им. Как и гнев, и это глубокое чувство печали внутри, заключающейся в том, что вы ничего не можете сделать. Все вы слышали это раньше. Корона не проигрывает войны. Когда они сражаются, то делают это используя монстров.

Я почти оскорблён.

– Они делают это, используя людей вроде неё, способной поставить детей под удар ради собственных целей, – сказал он.

Мужчина, который держал Лейси, вышёл вперёд. Она попыталась вырваться, прежде чем замерла. Думаю, почувствовала оружие у затылка.

Он указал на двух своих солдат, удерживающих раненого Гордона. – Двое детей были ранены сегодня. По меньшей мере двое погибли утром ранее. Академия идёт по опасному пути, пути, в котором наши погибшие используются для их творений, в котором потом будем использоваться мы в их великой машине. Жизни были потеряны.

Он сделал паузу для драматического эффекта. Я хотел подать сигнал Лейси, чтобы она вмешалась, сбила его с равновесия, но она не увидит. Она опустила голову, рыжие волосы закрывали глаза, и тишина полностью принадлежала Пастуху.

– Я поддерживал контакт со старыми друзьями, воевавшими со мной, людьми, которых вы видите за и рядом со мной. Я приношу свои извинения за то, что хранил этот секрет о вас, но последнее десятилетие мы работали над тем, чтобы остановить Академию от нанесения столь огромного вреда. Мы изобрели план. Я делал это из веры, я делал это из страха. Страха, что если мы не сможем действовать сейчас, вместе, решительно, то можем потерять последние капли приличия.

Ещё одна пауза. Лейси начала говорить в этот раз, но рука закрыла ей рот, и её поставили на колени, удерживая так двумя крепкими руками на плечах.

– Если вы побежите в дождь и темноту сегодня, то побежите прямо в их окружение, – сказал Пастух. – Они используют страх как оружие уже целый век, и в этом они стали очень сильны. Поверьте мне, я не прошу вас сражаться. Я прошу вас стоять.

Был ропот, нерешительность. Он зацепил их за крючок, но они точно не были пойманы. Что-то говорило мне, что это было намерено. Наверно неясное окончание заявления. «Стоять», что это могло значить? Оставил их думать, и теперь даст то, чего они хотят. Он наверно много таким занимался. И поэтому они настолько натренированы слушать его. Навыки оратора за

работой.

– Стойте за нашими спинами, отвечайте на страх не убегая, но собираясь вместе. Академия построена на плоти и крови в своём фундаменте. На людях. У нас есть сила диктовать, что мы захотим, мы ожидаем границ, и линии не должны быть пересечены.

Он выстраивал всё к этой точке уже некоторое время. Семена сомнений и тревоги, любой может строить на них, когда мир активно меняется.

С тяжёлыми облаками и в позднем часу, было достаточно темно, чтобы люди были не более чем силуэтом, подсвеченные лишь там, где свет отражался от воды, льющейся на них. Вода лилась с силой такой, что в ней был отчётливый вес, прижимающий каждого из нас, заставляющей опускать головы и поджимать плечи. Я был не сильно против, ведь вода была тёплой. Капюшон был снят, и дождь омывал волосы и лицо.

Я повернулся, чтобы уйти. Маленькие силуэты в толпе ко мне присоединились. С ними, моими товарищами Ягнятами, несколько сомневающихся нашли храбрость развернуться.

– Академия уже делает свои шаги! – воззвал Пастух. – Монстр, которого описал маленький мальчик, был не таким, как, тот, которого описывали нам! Это было оружие Академии, как Пёс и Ловец. Я видел их достаточно, когда был солдатом, и знаю, как они выглядят и что делают. Мои товарищи знают, что Академия и Корона не противятся использовать эти штуки против своих собственных людей, если сочтут нужным. Очень скоро они начнут действовать. Они сделают что-то ещё, чтобы напугать вас, потому что они не хотят, чтобы мы были едины!

Святой делает пророчество, – отметил я. Он знал, как действует Академия, даже если не представлял, что Сесил побежит позвать на помощь. Он просто ожидал этот шаг с нашей стороны.

Остальные Ягнята достигли меня. Теперь не хватало Хелен и Гордона. Мы встали у стороны дороги, столпились в беседке у двери, где всё ещё могли смотреть за толпой.

– Пастух видимо не заметил, что оба раненых ребёнка из нашей группы, – сказала Мэри.

– Он заметил, по крайней мере, Гордона, – отметил я. – Не знаю, видел ли он Хелен, кстати. Она притворялась не ради него.

– А где Хелен? – спросила Лилиан.

– В церкви, – сказал Джейми. – Или вышла через боковую дверь.

– Уверен? – спросила Мэри.

– Да, – очень терпеливо ответил Джейми.

Я почувствовал сомнение в ней и устранил его, – Если Джейми говорит, что уверен, то так оно и есть.

– Спасибо, – поблагодарил Джейми.

Я осмотрелся. По оценке Джейми и тому, что я мог видеть собственными глазами, это ставило Гордона в центр группы Пастуха, в то время как Хелен имела свободу действий с флангов и тыла, если её никто не заметил.

Я должен действовать исходя из этого.

С дали мы слышали толпу. Частично я очень хотел услышать каждое слово Пастуха, но у нас были другие проблемы.

– Ладно, – сказал я, пытаясь изо всех сил собрать мысли вместе. – Ладно. Насколько бы мне не хотелось это признавать, такой трюк снова не сработает. Только двое ребят могут порезаться и закричать.

– Соболезнования, – съязвил Джейми.

– Я как-нибудь вытерплю, – сказал я. – Он слишком чертовски хорош в управлении ими. Мы не можем встряхнуть толпу так, чтобы он их не успокоил, превратив в оружие против Академии.

– Если бы я смогла ему подмешать, мы продвинулись бы куда дальше, – сказала Мэри. – И эта женщина-

– Лейси, – поправила Лилиан.

– Она не была бы под подозрением, вероятно, или её бы не поймали.

– Тебя это волнует? – спросил я, подняв бровь.

– Эх, – ответила Мэри.

– Забудь, – сказал я. Это пятно против твоих способностей, больше, чем что-либо ещё. – Слушай, ничто не идёт по плану. Люди странные. Трюк в том, чтобы адаптировать план.

– План сработает, если ты достаточно хорош, – сказала Мэри таким тоном, из-за чего я подумал, будто она имитирует кого-то. Полагаю, имя этого кого-то начинается на П, и заканчивается на -ерси.

– Так ли? – спросил я.

– Думаю да. Нужно просто работать над тем, чтобы стать достаточно хорошим.

– Что ж, тогда, – сказал я. – Будем хороши. Не можем встряхнуть толпу. Будет отлично, если мы сможем достать Пастуха, но я не уверен, как это сделать. Он окружил себя людьми. Будет ужасно классно, если бунт начнётся тогда же, когда соизволит прибыть Академия. Если всё выйдет из под контроля Пастуха, но останется в пределах контроля Академии, будет отлично.

– Если они прибудут, – отметила Лилиан. – Есть шанс того, что Сесил не получит помощь или люди могут ему не поверить или что-то.

Или Сесил может быть мёртв, – закончил я её мысль в своей голове. Я поднимал эту мысль раньше, и Лилиан довольно сильно на неё среагировала. Не сумела поднять её вновь.

– Если не прибудут, то мы адаптируемся, – сказал я и осмотрел толпу. – Для святого он часто упоминает веру, но не многое оставляет на неё.

Словно в ответ, горн прозвучал в толпе.

– Угх, – сказал я.

– Что это было? – спросила Мэри.

– Горн, – ответил я.

Мэри и Джейми ударили меня по затылку, Мэри на мгновение быстрее.

Я сморщился и добавил, – У него есть другие друзья. Что бы он ни запланировал сегодня, он это делает. Зовёт другие группы. И Академию заодно. Каждый, кто его ищет, точно знает куда идти.

– У нас кончается время, – сказала Мэри, посмотрев в другую сторону, ниже по улице. – Минуты остались, прежде чем Академия доберётся сюда.

– Зачем? – спросил Джейми. – Зачем делать это?

– Он знает, что Академия не может просто убивать своих людей. Даже со всем своим оружием, Академия не может достать всех, и если они дадут чему-то проскользнуть через сеть, то слух разойдётся. Это покалечит Радхэм и ранит Корону в целом.

– Профессор Бригс желал этого, – заметила Мэри.

– Я не думаю, что он решится, взглянув на это. Сторона, которая делает первый ход, проигрывает. Если начнётся бунт вредящий городу, то профессор имеет право. Если Академия сделает первый шаг, то толпа будет свободна защищать себя и разойдётся слух о жестокости Академии, о том, как она рубит собственных людей. Нам нужно снять человека в центре всего этого и сделать это быстро.

Мы направились обратно к толпе.

Пастух говорил. – …за годы проникновений мы обнаружили, что в каждом большом здании есть особый проект. Пёс и Ловец просто одни из ассортимента. Во время моего сражения в войну, я видел некоторых существ из других Академий. Есть шаблон, почти всегда есть шаблон в том, как они действуют.

Хочу поставить на то, что ты неправ, – подумал я. – Всегда есть исключения из правил, вроде нас.

– Первое, и самое большое, то, что убедило меня в необходимости объединить людей, объединить вас, знание, что за исключением нескольких, больших и мощных орудий, особые проекты и оружие Академии менее эффективны против групп. В военное время, Пёс и Ловец могли атаковать поставки поддержки, Пожиратель мог атаковать поезда и кареты, или прорываться через полка, чтобы атаковать лидеров, Воспитатель мог подстрекать группы, а Щенки могли разведывать.

Проблемно, когда людей вокруг слишком много.

Ладно, хорошо, я хочу уступить это ему. Это действительно препятствие. Не подойти к нему, не пройдя мимо всех этих людей.

Ещё один человек заговорил, один из вооружённых товарищей Пастуха. То, что Пастух уступал ему, сообщало, что группа полностью готова сменить лидера. – В случае газа, чего угодного с воздуха, если вы что-то почувствовали на запах или вкус, задержите дыхание. Один из моих людей передаёт ткань. Перевяжите их вокруг носов и ртов. Жидкости, которыми мы их

пропитали, помогут отфильтровать газы.

– Воняют мочой! – закричал кто-то.

– Можешь использовать свою мочу и платок, если предпочитаешь, – сказал мужчина. На нём был дождевик, но его выражение лица имело военные намёки, словно на нём была мрачность и серьёзность, и смотрел-сквозь-тебя куда-то очень далеко, а его лицо будто навсегда застряло в таком виде. Что-то в нём было очень похожее на Пастуха. Отдалённый, слишком спокойный в такой ситуации. Это было до странного неотразимо, потому что казалось, будто чего-то не хватает или когда-то он был очень потерян, глубоко в себе, и вернулся, найдя что-то.

Большинству людей этого не удавалось. Что не убивает нас, оставляет нас ранеными, нежели делает нас сильнее. Но что-то случилось с полком Пастуха, сделав их пустыми, выветрив все эмоции или ментальность. Паразиты? Психоделики? Ни на что не похожий ужас, в котором их вынудили выжить?

Солдат заговорил, – Они попытаются напугать нас сшитыми. Отправят их на нас как угрозу. Мы должны держать строй. У нас есть союзники, они уже идут сюда, они прорвут ряды сшитых. Если вам хватает смелости.

Союзники уже идут сюда. Вот, кому сигналил Пастух.

– Страх это нормально, – сказал Пастух. – Слово богобоязненные существует не без причины. Страх делает всё яснее. Но не паникуйте. Это первый монументальный шаг среди многих из нас, который заставит убрать тяготеющие неправоту и ошибки Академии с наших разумов. Мы не построим и не изменим ничего без должной заботы.

Ещё один горн прозвучал вдали.

– Академия идёт, – сказал Пастух. – Они должны служить нам, улучшать человечество великими истинами и блестящими открытиями. Вместо этого они давят нас своими каблуками. Вы давно чувствуете это в своих костях. Может, вы чувствуете это с того дня, как открыли глаза и увидели мир. Может, вы задумывались, способно ли всё измениться. Я обещаю вам, что способно. У вас есть один шанс и это он. Развернитесь. Будьте готовы.

Солдаты проходили через группу. Людям передавали оружие и ткань. Не всё совпадало, в отличие от нормального военного полка. Многое было импровизировано.

– Если мы сделаем это правильно, если у Академии есть хоть какая-то гуманность, сражение не начнётся. Держитесь, защищайтесь если необходимо, но не действуйте без нужды. Они уже давно заставляют вас бояться. Внимайте этому страху, сделайте его своим вновь.

Тут, может, было две сотни человек. Может немного больше. Каждый стоял под дождём, держался за оружие, которое ему дали. Была тишина.

Прольётся кровь. Многие из этих людей будут ранены, если не убиты.

Вы все стадо. Раньше были овечками Академии, теперь его.

Я должен подобраться ближе. Достаточно близко, чтобы сказать одну-две вещи Пастуху.

Я развернулся, протолкнулся через толпу, каждый в которой стоял спиной к церкви. Люди не расходились с моего пути, некоторые даже пытались задержать меня, остановить, подчинить.

– Академия, – сказал мужчина.

Я остановился. Нет.

– Одна карета? – спросил другой мужчина?

– Я узнаю карету, – сказал Джейми, в метре с лишним от меня. И затем добавил, – Учитель!

Сесил.

Джейми не был быстрым, когда ситуация того требовала, но он в любом случае не мог спешить через толпу. Я посмотрел через плечо и увидел, как он бежит через пустое пространство между толпой и каретой.

У Джейми был план.

Я должен был сделать что-нибудь. Оттянуть, исполнить, выиграть время.

У маленького роста были свои недостатки. Насколько легко было двигаться вокруг, я с трудом пробирался через тела, людей, которых попросили и которым приказали стоять. Людей, которые вместе воняли мочой.

Я достиг периметра людей, которые были вокруг Пастуха. Руки схватили меня, остановили.

Через мгновение с меня убралась одна рука, затем другая. Я услышал болезненный крик мужчины, увидел как странно он изогнул руку и понял, что его схватила рука поменьше.

– Оставь его в покое! – крикнула Мэри.

Мэри была со мной, делала задачу проще.

Я прорвался через солдат, встав между Пастухом и толпой. Не сильно это было похоже на аудиенцию. Люди могут услышать мой голос, но не увидеть меня.

Гордон и Хелен насладились своими моментами на сцене. Я тоже хотел, чёрт.

Я нашёл низкую стену, уклонился от руки солдата, и запрыгнул на неё, схватившись за свисающую ветвь для равновесия.

– Вы ведь никогда не верили в Бога, не так ли? – позвал я.

С такой тихой и ожидающей толпой, разразились слова. Головы повернулись.

Пастух был безмолвен.

Мощной тактикой было приводить аргументы, особенно когда кто-то удерживает позицию власти. Позволить другому человеку привести аргументы, изнурить себя, и затем заткнуть, одним решительным ударом.

Что означало необходимость сильнейшего аргумента, который я мог привести.

– Вы только хотели манипулировать нами! – выкрикнул я. – Вы выбрали работу, при которой мы будем слушать Вас, Вы использовали нас, Вы лгали нам! Вы никогда не говорили нам ничего из этого!

Проблемой было то, что я должен приводить аргументы, которые будут звучать как слова ребёнка. Смогу я вызволить этого императора из его новой одежды?

– Вы не дали никаких доказательств того, что она сделала, Вам просто нужен был козёл отпущения! Зачем Вы делаете больно моей учительнице, преподобный Майер?! Зачем?! Она хорошая!

С другой стороны толпы от преподобного я видел, как Сесил делает грустнейший «подними ребёнка под подмышки и покрути вокруг», который я только видел. Джейми явно попросил его подыграть в том, чем ни был бы план Джейми.

Вдвоём они встали под навес кареты, разговаривали. Опять, с очень большим трудом, доктор потянул руку, чтобы дотронуться до головы Джейми.

С настолько близко находящимся Сесилом, я должен делать что могу, дабы разоружить Пастуха. Защищать Лейси или вынудить его вступить в спор за неё, должно сработать.

Пока я разделял внимание между Пастухом и Сесилом, солдат схватил меня. Я был на стене, а Мэри так низко на земле, она не могла его остановить или вмешаться. Не сделав ничего выдающегося.

Он опустил меня.

– Тихо, мальчик, – хрипло сказал он. – Сейчас не время для этого.

– Как он и сказал, – возразил я громче, чем было допустимо вежливостью или социумом. Преимущество быть юным. – Если не сейчас, то когда?

– Это нормально, – сказал Пастух. На меня упал его тяжёлый взгляд и я понял, что теперь он меня подозревает. Он не упустил и Джейми с Сесилом. Между Гордоном, Джейми, Мэри и мной было слишком много труда против него. – Сид, я хочу, чтобы ты послушал и услышал. Я бы не стал делать ничего этого, если бы не истинно верил.

– По Вас совсем не похоже!

– Похоже. Ты напуган, и слышишь то, что хочешь слышать. Я не думаю, что хоть один из постоянных посетителей церкви имеет хоть какие-то сомнения в моей вере или в том, насколько я забочусь об их благосостоянии.

Это была дешёвая, грязная тактика, и это была дешёвая, грязная тактика, которая сработала. Отступить к неприступной позиции. Аргумент настолько размытый и кажущийся чистосердечным, что на части его не разобрать. Аргументы базированные на эмоциях раздражали.

– Твоя учительница использовала твоего друга, – сказал он таким же спокойным голосом.

– Она была с Вами и мной всё время! Вы видели! Почему Вы лжёте?!

Меня слушало столько ушей, я постепенно менял разумы, прививал сомнения там, где была лишь верность, и я брал всё наслаждение моментом, превращая его в возмущение, больше эмоций, чтобы питать мои слова, обвинения.

– Я- – начал он. Сделал паузу, затем повернулся. Через толпу я не видел, куда он смотрит.

Солдат, который держал моё запястье повернулся посмотреть и я выбрал этот момент, чтобы вырваться. Я извернулся назад и прыгнул на стену. Он потянулся за мной, и я пригнулся. Те же ветви, за которые я держался, воткнулись ему в лицо и плечо, практически невидимые в темноте.

Это был Сесил, приближающийся к толпе, Джейми был на шаг позади.

– Подходи! – позвал Пастух. – Сюда, давай поговорим!

Сесил начал идти. Джейми крепко вцепился в его руку, не позволив последовать предложению. Доктор приостановился, после чего потряс головой. – Я… я не буду говорить с Вами, простите.

– Ты был в церкви. До того, как мальчик был ранен.

Работает над тем, чтобы связать его с Лейси. – Но моя защита Лейси и показ знакомства с Джейми были для Сесила защитой. Пастух будет выглядеть нерезонно перед своим стадом, если не будет осторожен.

– Я не- нет, – сказал Сесил. Он кивнул головой. Кажется, он составлял себе историю. – Там больше восстаний. Мужчины, мальчики и женщины в других местах были ранены.

– Если бы были другие восстания, мы бы услышали больше горнов, – возразил Пастух.

– Я не знаю, – сказал Сесил. – Я просто сообщаю… докладываю имена.

Он запинался. Похоже, он был в ужасе перед толпой, чувствовал скрытую враждебность, её странность. Но ужас, похоже, работал на него. Давал ему подлинность, которой он бы не имел, если бы говорил монотонно.

Он потянулся за бумажкой, открыл её. – Л… Д. Д. Бридж. К. Даунс. Я-я не могу прочесть в темноте под этим дождём.

Мужчина разбил ряд, вышёл вперёд, чтобы поднял свой плащ над головой Сесила. Зажигалка засветилась, подсвечивая бумагу.

– Р. Хартмэн. Д. Эстрада. М. Мэйс. Д. Томас…

С каждым новым именем разгорался шум в толпе.

– Что случилось?! – выкрикнул мужчина.

– Я знаю только, что они были ранены или убиты.

– Полное имя. Это был Даг Томас?!

– Я не знаю полных имён, – сказал Сесил, и в страхе его голос был тихим и пустым, почти бессильным.

Мои глаза упали на Джейми.

Он столько людей увидел за день. Мы слышали имена.

Джейми знал имена, знал лица. Он активно их высматривал, в тихие моменты прислушивался

к ним. Он годами задавал вопросы. Собирал ментальную картину.

Не полную, я уверен, но он знал важных людей и знал их детей. Лица, которых не было в толпе.

Джейми просто стоял там, дождь лился с его очков и дождевика, он послужил предвестником худших новостей, какие может получить любой семьянин.

Беспокойство начало разрастаться в толпе. Это были люди, о которых они заботились, люди, которые заботились о них.

– Успокойтесь! – воззвал Пастух. – Ничего не доказано, это не убедительно!

Но толпа не слушала.

– Если вы среагируете на это, то сделаете именно то, чего они желают!

Но ответа не последовало. Теперь он кричал на силы природы. Это он знал.

Толпа произвела звук. Разрастающийся рёв.

У них был враг.

Академия была здесь

Выстрелили ружья, которые дали людям в толпе. Слишком рано, не в те цели.

Группа сшитых, двадцать, каждый в униформе.

Люди прорвали ряд, поспешили хватать вещи, которые они могут бросать в зверей Академии.

Мы получили наш бунт.

Мы также получили и проблему.

В сценарии нарисованном Джейми, Академия сделала первый шаг. Поможет то, что люди отправятся домой и найдут своих родных целыми и невредимыми. Но если мы не сможем скорректировать интерпретацию, всё будет печально. Хайле разозлится на меня, потому что исполнение не идеально.

У нас была вторая проблема, если подумать, высчитать, где что стоит. Пастух тщательно выбрал свою позицию, дабы каждый кусок, который возьмём мы, был прочно защищён. Это заставило меня подумать о его людях, и мысль о его людях заставила меня подумать о том факте, что теперь он знает, что мы работаем против него. Его стадо разбежалось, превратилось в нечто бесполезное, нечто, что скоро заткнут, и ничто теперь не останавливало его от действий против нас.

Он встретился со мной взглядом, и было в нём то, чего я ещё не видел.

Он смотрел на меня. Не как на ребёнка или члена своего стада, но как на человека с другой стороны доски. Или как на одного из этих людей. Теперь он знал, чем мы были или имел представление об этом.

Я ему улыбнулся.

http://tl.rulate.ru/book/6109/168319